

МИХАЙЛОВ Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. трех монографий

ПУЧЕНКОВ Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, докторант отдела истории российских революций и общественных движений Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч. трех монографий (в соавт.)

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ И ГРУЗИЯ В 1918 году

В статье рассказывается о взаимоотношениях между Добровольческой армией и Грузинской Республикой в 1918 году. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса о государственной принадлежности Сочинского округа как главного фактора конфликта между противоборствующими сторонами. Работа в значительной степени раскрывает внешнеполитическую стратегию грузинского руководства в отношении командования Добровольческой армии.

Ключевые слова: Грузия, Добровольческая армия, Н.Н. Жордания, М.В. Алексеев, А.И. Деникин.

Русская революция 1917 года изменила судьбу Грузии, ставшей самостоятельным государством. В течение всей Гражданской войны на Юге России интересы Грузии и южнорусского Белого движения теснейшим образом соприкасались, приводя зачастую к острым конфликтам. Один из таких эпизодов будет рассмотрен в этой статье.

Отношения с государственными новообразованиями на территории бывшей Российской империи, и, в частности, с государствами Закавказья, складывались для южнорусского Белого движения очень непросто. Причина этому одна: обе стороны – и правительство Закавказья, и белые – относились друг к другу с предубеждением.

В одной из своих статей Деникин писал: «Мы не могли санкционировать отторжение от России ее окраин, и это обстоятельство вызывало со стороны русских интернационалистов слева обвинение в шовинизме и империализме и лишало нас активной помощи новообразований»¹.

Подобная позиция добровольческой администрации по национальному вопросу ни для кого тайной не была. Как следствие, «новообразования», а в данном случае Грузия, видели в армиях Деникина враждебную для себя силу и относились к белым с опаской.

Отношения Грузии и командования Добровольческой армии с самого начала были непростыми. Власть в Грузии перешла к сепаратистам с явно социалистической окраской, рассматривавшим добровольцев как великодержавную и реакционную силу, стремящуюся ликвидировать все завоевания революции.

Грузия, по определению генерала Деникина, жила исключительно «русским наследием» и не могла в то время проводить самостоятельной внешней политики². В одном из писем Деникин охарактеризовал положение в Грузии следующим образом: «Грузия – пока в руках сепаратистов с явно социалистической

окраской. Готовы метаться куда угодно, только бы не в сторону Добровольческой армии. Отношения враждебно-нейтральны»³. В своей неопубликованной работе «Навет на Белое движение» Антон Иванович назвал грузинскую политику «антирусской»⁴.

Особенностью всего Закавказья было преобладающее влияние здесь социалистов, а применительно к Грузии – меньшевиков, стремительно терявших во всей России свое политическое влияние и фактически не имевших никакой социальной базы⁵. Неслучайно как следствие и то, что советские историки 1920-х годов называли данный период «эпохой грузинской Жиронды»⁶, вынужденно менявшей внешнеполитическую ориентацию, но никогда не оставшейся без иностранного «хозяина»⁷.

Амбициозные грузинские политики поставили перед собой вполне определенную задачу: «...Признание нашей независимости де-юре, наше вхождение в Лигу Наций и принятие нас под ее покровительство»⁸. Председатель правительства Грузинской Демократической Республики Ной Жордания утверждал: «Наше демократическое государство было идеологическим национальным противопоставлением только одному государству – большевистской советской республике. Защитить себя от нее стало для нас главной заботой...»⁹. Министр иностранных дел грузинского правительства Евгений Гегечкори в интервью корреспонденту тифлисской газеты говорил: «Мы стоим во всеоружии на страже. Мы никогда не питали и теперь не питаем никаких агрессивных намерений против кого бы то ни было. Не питаем мы их и против Добровольческой армии. Но я должен подчеркнуть, что всякое посягательство на нашу территорию и на нашу свободу встретит с нашей стороны отчаянное сопротивление. И это не фраза, не словесная угроза, а реальный факт, с которым придется считаться и посчитаться всякому»¹⁰. Газета «Грузия», официоз грузинского правительства, писала, что «с “деникинцами” может быть только непримиримая борьба за свободу»¹¹. Добровольческая армия рассматривалась в Грузии

как реакционная сила, стремящаяся ликвидировать все завоевания революции¹². В передовой статье «Грузии» отмечалось, что «население Грузии должно зорко следить за всеми перипетиями добровольческих интриг, чтобы каждую минуту быть наготове с оружием в руках стать на защиту своей свободы от черных деникинских воронов»¹³.

Сложно судить о том, в какой степени идея национальной независимости соответствовала уровню развития национального самосознания грузинского народа: если грузинские авторы отвечали на этот вопрос утвердительно¹⁴, то деникинцам казалось, что «простой народ в Грузии не настроен враждебно против России и не стоит за сепаратизм. Это – дело вождей и грузинской интеллигенции»¹⁵.

Весной 1918 года с Грузией граничила Кубано-Черноморская Республика. Грузия, воспользовавшись Гражданской войной и общей неразберихой на Северном Кавказе, начала продвижение на север по побережью Черного моря. Войска главнокомандующего грузинскими войсками генерала Г.И. Мазниева (Мазниашвили), по словам министра иностранных дел Грузии Евгения Гегечкори, предприняли операцию «очищения от большевиков Черноморского побережья»¹⁶. По утверждению современного грузинского историка, грузинские военные силы действовали по просьбе и при поддержке Национального совета Абхазии, обратившегося в Тифлис за помощью, хорошо осознавая, что красные – общий враг и грузин, и абхазов¹⁷. Операция проходила достаточно успешно: Мазниев занял Адлер, Сочи, Туапсе, и, несмотря на то, что «белогрузины», как почему-то называли их советские историки¹⁸, потерпели поражение под Туапсе от Таманской армии, двигавшейся после неудачных боев в Черноморье на соединение с основными силами главкома И.Л. Сорокина¹⁹, к сентябрю авангарды грузин были уже под Гелленджиком²⁰. По утверждению Гегечкори, Мазниев впервые услышал о существовании противобольшевистской Добровольческой армии лишь в августе 1918 года. Бывший министр независимой

Грузии утверждал, что «Мазниашвили тотчас же вошел в соприкосновение с местным командованием добровольцев, передал им сформированный во время операции отряд казаков во всем вооружении, а сам отошел к Сочи и укрепился там. Генерал Мазниашвили наладил настолько хорошие контакты с местным командованием добровольцев, что в скором времени добровольческим и грузинским отрядам пришлось уже совместно вновь очищать Туапсе от большевиков»²¹. Действительно, по поручению Деникина, бывший генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта Е.В. Масловский выехал в район Туапсе, чтобы объединить под своим командованием все русские добровольческие отряды на Черноморском побережье до Майкопа включительно. Самая важная задача, поставленная перед Масловским Деникиным, заключалась в том, чтобы постараться подчинить себе, «опираясь на свой авторитет бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказского фронта, а потому хорошо известного и грузинскому правительству и всем офицерам Кавказской армии, ныне находящихся в составе грузинской армии, – грузинского Главнокомандующего генерала Мазниева с его армией и этим включить Черноморское побережье в орбиту Добровольческой армии...»²². В целом Масловский сумел выполнить поручение Деникина: Мазниев согласился войти в подчинение Масловскому. Однако грузинские военные, как оказалось, были более уступчивы в переговорах, чем грузинские политики. Возможно, этого не понимал Масловский, объяснявший последующую неудачу переговорного процесса только хамством и бескомпромиссностью добровольческого командования и противопоставлявший собственные успехи в отношениях с грузинами неудачам высшего командования армии. Дело тут было не в «талантах» Масловского и «бесталанности» Алексеева и Деникина. Ситуация была гораздо сложнее. 16 августа, по установлении связи с генералом Мазниевым, верховный руководитель Добровольческой армии М.В. Алексеев послал ему письмо, выражая свою радость от того,

что «судьба поставила нас не только в близкое боевое соприкосновение, но сделала нас союзниками, борющимися пока за одно и то же дело и действующими в одном и том же направлении... Думаю, – писал Алексеев, – более того, убежден, – что этот союз примет длительный и более широкий характер...»²³.

Казалось бы, между двумя антибольшевистскими силами существовала база для соглашения – общее желание борьбы с Советской властью. Однако никакого союза, или, по аттестации советского автора М. Амиа, «единого меньшевистско-казацкого фронта»²⁴, между грузинскими меньшевиками и добровольцами не получилось. По распоряжению генерала М.В. Алексева в распоряжение отряда были отправлены продовольственные припасы. Алексеев надеялся на союз с отрядом Мазниева, а также на то, что тот поделится с добровольцами оружием²⁵. Вскоре грузинское правительство резко изменило свое отношение к режиму Деникина. Генерал Мазниев был обвинен в русофильстве, отозван и заменен А. Кониевым. Последний занимал жесткую позицию по отношению к России. Продвижение добровольцев по Черноморской губернии было блокировано грузинами. Возникла необходимость во встрече между представителями обеих сторон конфликта. По приглашению Алексеева в Екатеринодар прибыл Е.П. Гегечкори в сопровождении генерала Мазниева. Перед встречей с представителями добровольческого командования Гегечкори заявил корреспонденту одной из газет о том, что он «командирован нашим (грузинским. – *Авт.*) правительством в качестве уполномоченного республики, чтобы устранить все те недоразумения, которые могут возникнуть между нами и соседями – Кубанским краевым правительством и Добровольческой армией. Наши войска сейчас занимают Сочинский округ, и поэтому необходимо установить границу между Грузией и Кубанью. На меня возложена также задача выяснения вопроса об экономической связи с Кубанью. Мы приложим все усилия, чтобы наша миссия удалась. Насколько это возможно – укажет будущее...»²⁶.

На совещании, проходившем 25–26 сентября 1918 года затрагивались вопросы, как будто переносящие нас в сегодняшний день: вопросы товарообмена между государственными новообразованиями Юга России и Добровольческой армией; вопрос о русском военном имуществе на территории Грузии; о государственной принадлежности Сочинского округа; о положении русского населения в Грузии и, наконец, о характере взаимоотношений Грузии и Добровольческой армии.

Политике Грузии в отношении русского населения в Грузии нельзя дать однозначную оценку: если простой народ в целом благожелательно относился к русским, то правительство усматривало в поведении русских (а в особенности приблизительно 4 тыс. офицеров, скопившихся на территории республики после фактического распада Кавказского фронта, штаб которого продолжал оставаться в Тифлисе)²⁷ неблагонадежность и нелояльность по отношению к новому государству²⁸. Вследствие этого, русских в Грузии, как писалось в аналитической записке того времени, буквально «изводило» придирами грузинское правительство²⁹. По воспоминаниям К.Д. Кафафова, бывшего исполняющего обязанности директора Департамента полиции Российской Империи: «Аресты, высылки (лиц, подозреваемых во враждебном отношении к независимой Грузии, главным образом русских. – *Авт.*) сыпались из социалистического рога изобилия, не считаясь ни с какими принципами и проблемами свободы, о которых еще так недавно кричали эти социал-демократы с трибуны русской Государственной Думы»³⁰. Деникина, естественно, задевало и отношение Грузии к русскому офицерству на территории республики. Офицеры, преимущественно проживавшие в Тифлисе, в массе своей находились в нищенском положении, бедствовали. Дело доходило даже до распродажи обмундирования. Вместе с тем предоставленные сами себе военнослужащие долгое время не могли оставить территорию Грузии и не имели возможности (несмотря на имевшееся желание) отправиться в Добровольческую

армию, о которой в Тифлис поступала отрывочная информация. Подобные попытки грузинами старательно пресекались. За нелестные отзывы о грузинском правительстве офицеры зачастую арестовывались³¹. Можно понять и русского офицера, с недоумением взвешивающего на вновь образованное государство. Доброволец Д. Кобяков вспоминал: «Несерьезным все это казалось, точно в театре, не по-настоящему. Не могли в толк взять русские, в особенности коренные тифлисские жители, что вот они, не сходя с места, вдруг очутились за границей! Не у себя дома. Что не хозяева уже»³². По словам председателя Закавказского русского национального Совета Ю.Ф. Семенова, в политике по отношению к «нежелательным элементам» между грузинскими и московскими социалистами была существенная разница: «Российские большевики лишали эти элементы заработка и многих расстреливали. Закавказские националисты никого не расстреливали, но лишали их возможности заработка и гражданских прав, а тех, кто громко против этого протестовал, сажали в тюрьмы»³³.

Тем временем Тифлис большевизировался, пребывание офицера с русскими погонами в рабочих кварталах, а затем и в центральной части города становилось небезопасным: националистическая молодежь, бедняки и другие приверженцы завоеваний революции срывали с офицеров погоны, избивали их и т.д. К июлю 1918 года почти все офицеры добровольно сняли с себя погоны. Для русских, а в особенности для русского офицерства в республике складывалось тяжелое положение: как следствие, и огромная армия выкинутого на улицу русского чиновничества, и мелкие служащие, и офицеры стали «выискивать» у себя украинские корни, добывать подложные свидетельства о своем «гражданстве» – все с одной целью: попасть на территорию гетманской Украины³⁴. Чтобы спасти офицеров от голодной смерти³⁵, «Ликвидационная комиссия Кавказского фронта» выдавала желающим уехать из Тифлиса 2-месячное содержание и отпускное свидетельство. Ввиду отсутствия в казне такого громад-

ного количества денежных знаков местные власти выдавали деньгами частями: по 50 р. в неделю на человека. Да и ехать по большому счету было некуда, поскольку Владикавказ заняли красные, а о Добровольческой армии сведения имелись крайне отрывочные. В итоге большинство уезжающих офицеров отбыли на Украину³⁶. Против Добровольческой армии в грузинской прессе была развернута ожесточенная кампания: добровольцы поносились как «шайка реакционных генералов», только и думающих о том, чтобы погубить независимую Грузию³⁷. Такое положение вещей, естественно, вызывало у Деникина сильное недовольство.

Особо «страстный», по выражению Деникина, характер приняли споры вокруг государственной принадлежности Сочинского округа. Дело в том, что свою государственную деятельность правительство молодой Грузинской Республики начало с округления границ и захвата Сочинского округа Черноморской губернии – округа, в котором проживало к тому моменту лишь 10,8% грузин (при преобладающем русском населении: из 50 селений округа лишь одно было грузинское)³⁸, и который, по словам Антона Ивановича, «миллионами русских народных денег обращен был из дикого пустыря в цветущую здравницу»³⁹. Деникин правомерно утверждал, что на Сочинский округ «ни по историческим, ни по этнографическим мотивам Грузия не имела никаких прав»⁴⁰. Этот захват встретил противодействие со стороны командования Добровольческой армии, поддерживаемой в этом вопросе широкими кругами русской общественности. Сами грузины считали, что значение Сочинского округа очень важно для обеспечения независимости Грузии, рассчитывая создать силами своей Народной гвардии «непреодолимый барьер для “армии” Алексева – если он пойдет на нас войной»⁴¹.

Само совещание, напомнившее советскому автору «голубиное воркование деятелей Второго Интернационала с белогвардейскими гориллами»⁴², происходило очень остро⁴³, между сторонами существовали принципиальные разногласия. Дело в том, что грузины отказы-

вались признать Добровольческую армию правопреемницей Российской Империи, именуя ее «частной организацией», что до крайности оскорбило Алексева⁴⁴. Участник совещания кадет В.А. Степанов вспоминал: «Никто из тех, кто участвовал в этом совещании, его не забудет. Никто не забудет той выдержки, с которой покойный Михаил Васильевич руководил прениями, той ясности, с которой он ставил вопросы, той твердости и достоинства, с какими он парировал иногда бестактные выходки прибывших депутатов. Совещание продолжалось два дня. Заключительное слово Верховного Руководителя было проникнуто чувством благоговейного отношения к достоинству и чести России. Через два дня (неточность: генерал Алексеев скончался спустя 12 дней – 25 сентября (8 октября) 1918 года. – *Авт.*) его не стало. Он умер на своем славном посту в самом буквальном смысле этого слова»⁴⁵.

Открывая заседание, Алексеев приветствовал «дружественную и самостоятельную Грузию». Со стороны Михаила Васильевича прозвучали заверения в том, что белогвардейцы не собираются посягать на независимость Грузии. Однако Алексеев жестко поставил вопрос о необходимости прекращения притеснений русских в Грузии и о скорейшем очищении грузинами Сочинского округа, на 65% состоявшего из русских⁴⁶ и разделенного грузинами на две части – Гагринский и Сочинский. Русское население подвергалось со стороны грузин жестоким преследованиям, взывая с просьбой о защите к командованию Добровольческой армии⁴⁷. Организация русского национального союза на территории Сочинского округа желаемого результата дать не могла. В письме представителю союзного командования генералу Миллю Деникин утверждал, что население Гагринского округа и окрестностей подвергается «возмутительному притеснению со стороны грузинских властей», пытаясь через внешнюю силу решить вопрос в положительном для белогвардейцев ключе⁴⁸.

Также на совещании поднимались и другие вопросы. Гегечкори, этот «отчаянный,

злбный, нетерпимый грузинский шовинист», как охарактеризовал его идеолог белых В.В. Шульгин⁴⁹, занял твердую позицию. Он отрицал очевидное – притеснения русского населения в Грузии. Стороны не смогли достигнуть соглашения. Закрывая совещание, М.В. Алексеев подчеркнул: «Точки зрения наша и Грузии так резко разошлись, что это исключает всякую возможность в дальнейшем обсуждать остальные вопросы»⁵⁰. Гегечкори же, по характеристике Шульгина, «ненавидел Россию и со свойственной Востоку жестокостью нанес умирающему Алексееву последнее оскорбление, назвав Добровольческую армию “частной организацией”, не имеющей ничего общего с Россией». Шульгин с возмущением писал, что грубость Гегечкори была обращена к «Верховному Главнокомандующему, который, оставшись один, после того, как армия разбежалась, вновь стал собирать ее, по одному рублю, по одному человеку, и вот умирал в то время, когда его беспримерный труд, казалось, начинал быть всероссийской надеждой»⁵¹. Если Деникин и Алексеев обвиняли в неудаче переговоров грузинскую миссию, то их оппоненты, естественно, думали иначе. Уже упоминавшийся генерал Е.В. Масловский, правда, в эмиграции писал, что в «печальном окончании попытки Грузинского правительства установить добрые отношения с Добровольческой армией главная вина ложится без всякого сомнения на генерала Деникина: генерал Алексеев, проявивший особую резкость в своих выражениях, был уже на краю могилы, больной, разбитый морально, раздражительный старик, очевидно, не вполне владеющий собой и своими чувствами, и все Белое дело уже тогда было в руках генерала Деникина...»⁵². Справедливости ради надо отметить, что в своих воспоминаниях Масловский, бывший генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта, возглавлявший, по поручению генерала Деникина, все вооруженные силы на Черноморском побережье – как русские добровольческие отряды, так и грузинские войска генерала Мазниева с полного согласия последнего – мало для кого из своих

сослуживцев нашел добрые слова, именуя себя «вдохновителем идеи сближения Грузии с Добровольческой армией и главным лицом в осуществлении этой идеи»⁵³. По словам мемуариста, «именно Грузия первая сделала попытку к созданию дружеских отношений, а генерал Деникин, как я сказал, оттолкнул протянутую ему руку дружбы»⁵⁴. Масловский считал Добровольческую армию единственной виновницей неудачи переговоров, утверждая, что благодаря «бестактности совершенно ненужной в отношении грузинской делегации мы ничего не выиграли, а приобрели вместо доброжелательного и полезного нам соседа лишнего недоброжелателя»⁵⁵. Принципиальность Алексева и Деникина Масловский в своих воспоминаниях рассматривал как проявление «политической близорукости»⁵⁶.

В докладной записке Драгомирову, представлявшей «материал» для подготовки письма Главнокомандующего союзникам на конференции в Яссах, генерал В.Е. Вязьмитинов сообщал следующее: «Грузинское правительство – враг идеи Единой России и склонно к агрессивной деятельности – **его надо скрутить и обнаружить над ним реальную силу** (выделено нами. – *Авт.*)»⁵⁷. Именно так, вероятно, думали и Драгомиров, и Романовский, и сам Деникин. Исходя из такой постановки вопроса, стали развиваться и дальнейшие, весьма конфликтные, отношения между Добровольческой армией и Грузией. Никакого «единого меньшевистско-казацкого фронта», как писал о мифическом союзе Деникина и Гегечкори М. Амиа⁵⁸, не существовало. К началу 1919 года, как писал Деникин, добровольцы находились «в отношении Грузии почти в состоянии войны...», которая вскоре «началась и фактически – нападением грузин»⁵⁹. Однако, это тема уже отдельного исследования, выходящего за хронологические рамки 1918 года⁶⁰.

В целом отношения Грузии и Добровольческой армии носили ярко выраженный конфликтный характер: борьба с большевиками – как общая цель – не могла сгладить все спорные вопросы, имевшиеся между сторонами. Главным

из них был вопрос о независимости Грузии: местные политики видели в Добровольческой армии «колонизаторскую силу», правопреемственную по отношению к самодержавной власти, и опасались деникинцев. Кроме того, нельзя не подчеркнуть, что политика добровольческого командования в значительной степе-

ни была обусловлена имперской психологией. Однако заметим, что чуть ли не каждое из вновь возникших на территории России государств стремилось стать маленькой империи, скатываясь на самом деле к узкому национализму. При таких капитальных разногласиях альянс между Деникиным и Грузией вряд ли был возможен.

Примечания

¹ Деникин А. Борьба продолжается // Борьба за Россию. 1927. № 6. С. 6.

² Его же. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 3. С. 407.

³ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

⁴ Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 10. Рукопись Деникина «Навет на белое движение». (Ответ на книгу генерала Н.Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» Париж, 1937. Л. 49.). Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁵ Вардин Ил. (Мгеладзе). Революция и меньшевизм. М.; Л., 1925. С. 60.

⁶ См., напр.: Амиа М. Путь грузинской Жиронды. Тифлис, 1926.

⁷ Вардин Ил. Указ. соч. С. 93.

⁸ Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968. С. 95.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Беседа с мин. ин. дел Е.П. Гегечкори // Возрождение. Тифлис. 1919. 23 дек.

¹¹ Грузия. 1919. 22 марта.

¹² Возрождение. 1919. 31 мая.

¹³ Грузия. 1919. 5 июля.

¹⁴ Интересен фрагмент из воспоминаний генерала Г.И. Квинтадзе: «В Грузии никто не думал быть против революции и ее завоеваний, ибо создание национальной грузинской единицы было исполнением тайных вождений всякого грузина». (Квинтадзе Г.И. Мои воспоминания в годы независимой Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 7.)

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 33. Донесения о положении в Грузии, 1919 г. Л., 77.

¹⁶ Гегечкори Е. Ответ генералу Деникину // Последние новости. 1933. 13 янв.

¹⁷ Джавахишвили Н.Г. Борьба за свободу Кавказа. (Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века). Тбилиси, 2005. С. 16. Действительно, 11 июля 1918 года Абхазский Национальный Совет и правительство Грузии заключили «временный» договор, в соответствии с которым Абхазия включалась в состав Грузии (в начале 1918 года она была в составе Горской Республики). По словам московского историка В.Ж. Цветкова: «Грузинские войска должны были обезопасить Абхазию от возможного наступления со стороны отрядов Красной гвардии». (См.: Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур в России). М., 2008. С. 278.)

¹⁸ Горлов В.П. Героический поход. М., 1967. С. 97.

¹⁹ Подробнее см.: Лобанов В., Пученков А. «Авантюра» Ивана Сорокина // Родина. 2011. № 2. С. 62–66.

²⁰ Цветков В.Ж. Капкан тифлисского коварства. Особенности политического курса Белого движения в отношении Грузии в 1918–1920 годах // Родина. 2008. № 11. С. 9.

²¹ Гегечкори Е. Ответ генералу Деникину...

²² Bakhmeteff archive. Evgeniy Vasil'evich Maslovsky papers. Box 4. Воспоминания генерала Е.В. Масловского. «Некоторые страницы моей жизни». Л. 1483. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк). Л. 1282.

²³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 672.

²⁴ Амиа М. Путь грузинской Жиронды. Факты, документы, материалы из истории реакционного перерождения меньшевиков. Тифлис, 1926. С. 9.

²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 672.

²⁶ Беседа с Е.П. Гегечкори // Приазовский край. 1918. 13(26) сент.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 33. Л. 34; Дом Русского Зарубежья А. Солженицына. (ДРЗ). Ф. 1. М.-250. Воспоминания генерала П.Н. Шатилова. Л. 103. Главнокомандующему Кавказским фронтом в оперативном отношении подчинялись национальные формирования. После решения сейма об отделении Закавказья от России было принято решение об образовании Закавказской армии, с подчинением ее Командующему всех национальных корпусов. На должность командующего армией был назначен полковник Г.И. Квинитадзе, которого спешно произвели в генералы. Большая часть русских офицеров продолжила выполнять свои обязанности, лишь затем они стали замещаться офицерами кавказских национальностей. Оставшись не у дел, генерал П.Н. Шатилов, будущий начальник штаба у Врангеля, по его словам, «все же принимал известные меры для отправки офицеров в армию генерала Алексеева и работал по линии союзнической ориентации. У меня сохранились связи с офицерами, еще не покинувшими Штаб Закавказской армии, в том числе с разведывательными и контрразведывательными органами, которые я старался отстранить от работы с новым Штабом и сохранить для передачи их затем в ведение Добровольческой армии. Кроме того, по прибытии на Кавказ турецких и немецких войск, я принимал некоторые меры для оказания им затруднений по оккупации». (ДРЗ. Ф. 1. М.-250. Л. 108.).

²⁸ Генерал А.П. Богаевский писал Деникину в дни екатеринодарского совещания о том, что «этого (т.е. враждебности. – *Авт.*) желает кучка авантюристов, составляющая ныне грузинское самозванное правительство». (Переписка по грузинскому вопросу // Белый архив. Париж, 1928. Кн. 2-3. С. 192).

²⁹ Все это не помешало написать Нюю Жордания в своих воспоминаниях о том, что «к русским в Грузии мы относились хорошо... Мы очень боялись, чтобы местные русские не снеслись бы с Москвой и не имели бы некую тайной связи. К счастью, этого не случилось. Тифлиссские русские были далеки от московских притязаний, и всегда были лояльны к нам, вплоть до последней войны. Мы и им оказывали всякую помощь, как от правительства, так и от частных организаций. Им везде были открыты двери...» (*Жордания Н.* Указ. соч. С. 102).

³⁰ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской Империи // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 96.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 33. Л. 134–135.

³² Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 407. Л. 2. Воспоминания добровольца Д. Кобякова.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 147. Л. 144. Воспоминания Ю.Ф. Семенова.

³⁴ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 176.

³⁵ Семин Х.Д. Трагедия русской армии первой Великой войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Нью-Мексико, 1964. Кн. 2. С. 193.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 407. Л. 5–6.

³⁷ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 467. Записка председателя Русского национального Совета Ю. Семенова о Грузии и Закавказье. 1919 г. Л. 152.

³⁸ Присоединение к Грузии Сочинского округа было юридически подкреплено резолюцией «общественного собрания граждан Сочи» от 20 сентября 1918, которое мемуарист охарактеризовал как сборище «нескольких русских политических шарлатанов в Сочи о желательности присоединения его (Сочинского округа. – *Авт.*) к Грузии». (*Горский.* Очерки независимой Грузии // Зарницы. Константинополь. 1921. № 16. С. 17.). Резолюция, подписанная председателем собрания П. Измайловым, признавала, что «единственной частью бывшего Российского Государства, где не только признан добытый кровью народа республиканский строй, но и закреплен в основных законах, является Грузинская Республика», и в силу этого в резолюции высказывалось пожелание, чтобы «Грузинское Правительство немедленно особым декретом оформило временное присоединение Сочи к Республике». (Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 390).

³⁹ Деникин А. Ответ Е. Гегечкори (Письмо в редакцию) // Последние новости. 1933. 25 янв. Ссылаясь на мнение Деникина, историк В.Ж. Цветков обоснованно заключает, что «притязания на Сочинский округ носили сугубо политический, а не национальный характер». (*Цветков В.Ж.* Капкан тифлиссского коварства... С. 10.).

⁴⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 675.

⁴¹ Джугели В. Тяжелый крест. (Записки народногвардейца). Тифлис, 1920. С. 69.

⁴² Амиа М. Указ. соч. С. 7–8.

⁴³ По утверждению Е. Гегечкори, накануне совещания, 24 сентября 1918, у него произошла часовая беседа с Алексеевым, которая привела к «полному соглашению, которое сводилось к тому, что грузинские части должны оставаться там, где они стояли, – в Сочи, – давалась полная свобода товарообмена, а со стороны Закавказья тыл Добровольческой армии должен был считаться совершенно обеспеченным...». (*Гегечкори Е.* Ответ ген. Деникину

// Последние новости. 1933. 13 янв.). Однако официальное совещание к согласию сторон не привело. «Поездка оказалась безрезультатной. У Алексева видимо губа не дура, и он “просил” освободить все побережье до реки Бзыби! Наши решительно отказались, и нам приходится точить свой боевой меч», – записал в своем дневнике Командующий Народной гвардией Грузии Валико Джугели. (*Джугели В.* Указ. соч. С. 70).

⁴⁴ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 410.

⁴⁵ *Степанов В. М.В.* Алексеев. (Личные встречи) // Свободная речь. 1919. 26 сент.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 37. Материалы о Закавказье, составленные для Командования Добровольческой армии. Л. 37.

⁴⁷ Там же. Л. 24.

⁴⁸ Там же. Л. 7.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 24. Разрозненные заметки В. Шульгина. Л. 4–4об.

⁵⁰ Документы и материалы по внешней политике Грузии и Закавказья... С. 413–414.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 24. Л. 5об.–6.

⁵² Bakhmeteff archive. Evgeniy Vasil' evich Maslovsky papers. Box 4. Воспоминания генерала Е. В. Масловского. «Некоторые страницы моей жизни». Л. 1483. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁵³ Там же. Л. 1329.

⁵⁴ Там же. Л. 1484.

⁵⁵ Там же. Л. 1325.

⁵⁶ Там же. Л. 1325.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 3.

⁵⁸ *Амиа М.* Указ. соч. С. 6.

⁵⁹ Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись Деникина «Заметки, дополнения и разъяснения к «Очеркам русской смуты». Folder 1. Л. 35. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁶⁰ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур в России). М., 2008. С. 278–291.

Mikhailov Vadim Victorovich

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Humanitarian Faculty,

Puchenkov Alexander Sergeevich

Saint-Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences

VOLUNTEER ARMY AND GEORGIA IN 1918

The article describes the relationship between the Volunteer Army and the Republic of Georgia in 1918. Special consideration is given to the question of the state status of the Sochi district as a key factor in the conflict between the warring parties. The paper to a great extent describes the foreign policy strategy of the Georgian leaders towards the Volunteer Army command.

Key words: *Georgia, volunteer army, N.N. Zhordania, M.V. Alekseev, A.I. Denikin.*

Контактная информация:

Михайлов Вадим Викторович

e-mail: batukom@mail.ru

Пученков Александр Сергеевич

e-mail: ap80@mail.ru

Рецензент – *Голдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Института управления и регионологии Института управления и регионологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова